

— В детстве многие приемы кунг-фу мастер Ху обучал меня, держа за руки, — внезапно произнес Тан Цзюань.

Он знал, что Шэнь Цзюэ не спит. Они ютились на одной кровати: Шэнь Цзюэ настоял на том, чтобы взять всего один номер. Сначала Тан Цзюань хотел устроиться на полу, но, видя нынешнее положение дел, не смог оставить товарища одного и затащил его на кровать. В конце концов, они уже спали так раньше.

— М-м, — Шэнь Цзюэ ждал продолжения.

— Он учил меня этикету, учил читать, учил почитать учителей и следовать долгу, учил тому, что человек должен быть открытым и честным! Когда я только поднялся на гору, я был совсем мал, и другие старшие ученики обижали меня. Он заступался и наказывал их. А когда я попадал в беду, он, отчитывая меня, сам же и прикрывал перед мастером.

Тан Цзюань замолчал, а потом продолжил тише:

— Из-за происхождения моей матери за спиной вечно шептались. Поначалу я принимал это близко к сердцу, но именно он сказал мне: я — это я, моя мать — это моя мать. Пусть я сын Цзян Жушуй, но я также и младший брат Ху Шаннися, часть горы Шэньян. Пока он рядом, никто не посмеет меня порочить.

Тан Цзюань верил, что эта забота, сопровождавшая его с детства, была искренней. Только он не знал, в какой именно момент взгляд старшего брата изменился.

Со временем Тан Цзюань стал мастером, его слава гремела по всему миру боевых искусств, он год за годом занимал первые места на турнирах, и глава школы сделал его своим главным учеником. Больше никто не вспоминал о его матери, теперь все видели в нем лишь старшего ученика горы Шэньян. Ему больше не нужна была защита брата. И брат больше не защищал его.

Тан Цзюань чувствовал это отчуждение, просто не хотел признавать.

— Я никогда, никогда не хотел бороться с ним за место главы Шэньян, — голос Тан Цзюаня в темноте наконец дрогнул от сдерживаемых рыданий.

Шэнь Цзюэ мягко похлопал его по руке, лежащей на постели, утешая без лишних слов. Некоторые вещи нельзя уладить фразой о том, что ты не собираешься ни с кем соперничать — те, кто жаждет власти, не оставят попыток навредить тебе. Шэнь Цзюэ верил, что Тан Цзюань понимает эту истину. Дружба потому и ценна, что проходит проверку славой и человеческой природой, а отношения Ху Шаннися к Тан Цзюаню, очевидно, эту проверку не выдержали.

У меня есть старший брат, который относится ко мне лучше всех в мире. Я хочу помолиться за

него, чтобы он всегда был в безопасности! — вспомнились Шэнь Цзюэ слова семилетнего Тан Цзюаня и его сияющие глаза.

— Тебе просто жаль, ты не держишь на него зла, даже несмотря на то, что он хочет тебя убить, — раздался в тишине прохладный голос Шэнь Цзюэ. — Тан Цзюань, ты очень хороший человек. Чей бы ты ни был сын, чей бы ты ни был ученик — ты замечательный человек.

— Спасибо, — Тан Цзюань наконец обрел голос.

Он не удержался и выговорился — возможно, потому, что у него и правда не осталось ни друзей, ни близких. Кто бы мог подумать, что легкомысленный Шэнь Цзюэ способен на такое утешение? Пожалуй, Шэнь Цзюэ — неплохой злодей.

— Так значит, ты больше не сможешь получить деньги в контактном пункте Шэньян? — в голосе Шэнь Цзюэ прозвучала легкая обида из-за потери средств.

Тан Цзюань: «...»

— Похоже, с этим покончено. Эх, придется теперь затянуть пояса. Господин Тан, у тебя нет чего-нибудь ценного, что можно было бы заложить?

— Нет.

— Жаль. А та подвеска из нефрита? Хотя она и с трещиной, за нее можно выручить приличную сумму.

— Даже не думай об этом, — процедил сквозь зубы Тан Цзюань, отвернулся и перестал отвечать.

— Эй, ну чего ты злишься? Такая важная вещь? Кто тебе ее подарил? — Шэнь Цзюэ продолжал болтать, и только когда понял, что Тан Цзюань окончательно замолчал, тихо вздохнул: — Ладно, в конце концов, когда появятся деньги, выкупим обратно! Ну что, договорились? Говорю тебе, если останемся без гроша, завтра будем ночевать на улице. К тому же, мне нужны компоненты для моего родового рецепта, ты ведь не хочешь остаться с ядом в крови?

Видя, что Тан Цзюань по-прежнему не реагирует, Шэнь Цзюэ повернулся к нему и начал тыкать пальцем в спину:

— Ну же, придумай что-нибудь. Что это за нефрит такой? Почему он так важен? И почему он вообще поврежден?

Шэнь Цзюэ будто нарочно на каждый вопрос тыкал его в спину. Тан Цзюань, потеряв терпение,

резко обернулся. Палец Шэнь Цзюэ едва не угодил ему в грудь. В темноте они оказались лицом к лицу, так близко, что Тан Цзюань почувствовал дыхание собеседника.

Он поспешно отпрянул назад, чуть не свалившись с кровати, и в панике схватил Шэнь Цзюэ за руку. Ладонь Шэнь Цзюэ была прохладной и нежной, как дорогой фарфор — совсем не похожей на его собственную, покрытую мозолями от меча. Сердце Тан Цзюаня пропустило удар.

Шэнь Цзюэ не сдержался и прыснул со смеху:

— Господин Тан, если ты сейчас свалишься, что останется от репутации первого ученика Шэньян?

Тан Цзюань выровнялся, отодвинулся подальше и попытался унять бешеное сердцебиение. Он сам над собой посмеялся: надо же, так испугаться! Что он творит?

— Все из-за тебя, не спишь посреди ночи, дурью маешься, — с досадой сказал Тан Цзюань.

Ха, интересно, кто из них первым не спал? И еще так печется о своей репутации. Думая так, Шэнь Цзюэ все же решил его успокоить:

— Да-да, виноват, каюсь. Господин Тан — человек добрый, прости меня, а?

Услышав это, Тан Цзюань не стал больше спорить и притворно строго бросил:

— Заткнись и спи.

Шэнь Цзюэ потряс рукой, которую все еще держал Тан Цзюань:

— Господин Тан, тебе что, еще не хватило?

Услышав насмешливые нотки в голосе, Тан Цзюань наконец осознал, что все еще сжимает его ладонь. Лицо вспыхнуло — к счастью, в темноте этого не было видно, иначе он бы не отмылся от насмешек! Он сердито оттолкнул руку Шэнь Цзюэ, отвернулся и, раздраженно зажмурившись, притворился мертвым. К счастью, Шэнь Цзюэ больше не стал его подкалывать и послушно замолчал.

Утром, когда Шэнь Цзюэ проснулся, Тан Цзюаня на кровати уже не было. Он потрогал холодную простыню — видимо, тот встал уже довольно давно. Шэнь Цзюэ всегда плохо спал, но в последние дни рядом с Тан Цзюанем ему удавалось хоть немного отдохнуть.

Выспавшись, Шэнь Цзюэ начал обдумывать положение. Сейчас они оба были полукалеками, и,

к сожалению, из двух половин одного целого не собрать. По пятам шли преследователи, хотя те и казались не очень сообразительными. За всем этим, вероятно, стоял заговор Ху Шанняя. Нужно было быть готовыми к любому удару, а для этого — как можно скорее найти Сюэ Мина. Как только Тан Цзюань восстановит свою силу, они перестанут быть такой легкой мишенью. К тому же, он беспокоился за эту глупую птицу — как бы ее не пустили на жаркое.

Насколько он знал, Ху Шанняя был совсем не таким человеком, каким его представляли окружающие.

<http://bllate.org/book/21261/2152861>